



Максим Козлов

Рудник

Максим Козлов

Рудник

<https://litres.ru/74074539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под землёй, в вечной тьме, живут гномы. Они добывают драгоценные камни и продают их людям за бесценок. Шестнадцатилетний шахтёр Краг теряет отца, брата и почти теряет веру — но однажды узнаёт правду: перекупщики годами обманывают его народ, давая десятую часть настоящей цены. Разница оседает в карманах посредников и уплывает за море.

Краг решается на бунт. Но другие кланы отказываются поддержать его — они боятся, что люди натравят на них соседей. Тогда Краг выбирается на поверхность, чтобы лично говорить с королём. И обнаруживает, что сам король — такой же заложник системы, опутанный долгами перед заморскими купцами.

Врагов много, но главный — не снаружи. Освобождение от внешнего гнёта ещё не означает свободу. «Рудник» — аллегория ресурсного проклятия и колониализма. История о том, что происходит со страной, когда её богатства вывозят, а взамен оставляют нищету и гражданские войны. И о том, всегда ли в этом виноваты только внешние силы.

Содержание

Тьма, имеющая вес	4
Цена камня	17
Дорога на восток	36
Первый круг	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Максим Козлов

Рудник

Тьма, имеющая вес

Он родился в темноте и в темноте умрёт. Эта мысль пришла к нему не сейчас, когда он лежал, придавленный породой, а давно. Лет в шесть, когда впервые спустился в забой и понял, что солнце — это просто слово. Слово, которое старики произносят шёпотом, как проклятие, а молодые не произносят вовсе, потому что не знают, что оно значит. Тьма была везде. Она была плотной, как вода в старых, брошенных штольнях, и пахла каменной пылью. Иногда ему казалось, что тьму можно резать ножом и есть, как холодную кашу. Но её не едят. Ею дышат.

Он лежал и смотрел в чёрное. Где-то капала вода. Кап. Пауза в десять ударов сердца. Кап. Он считал удары, потому что это помогало не думать о ногах. Ноги были там, под завалом, и он не чувствовал их уже давно. Не чувствовал с того момента, как всё рухнуло. Сначала был звук. Звук, который не спутаешь ни с чем, — такой издаёт сама гора, когда устаёт держать себя на плечах. Потом удар. Пыль, забившаяся в рот, глаза, уши. И потом — эта тишина, которая хуже любого грохота.

Его звали Краг. Имя короткое, как удар молота. Ему было шестнадцать, что у гномов считается почти серединой жизни. Мало кто доживает до сорока. Ещё меньше — до сорока с целыми лёгкими. Отец Крага, Дорн, умер пять лет назад в этом же забое, только на три уровня ниже. Тогда обвалился восточный штрек, и семерых завалило сразу. Тела достали не все — смысла не было. Мать потом целый цикл не могла говорить, просто сидела у холодного очага и смотрела в стену. Её звали Мирра. Она ослепла через год после смерти отца. Глаза выела каменная пыль. Краг помнил, как она, ещё зрячая, держала его за руку и говорила: «Никогда не верь людям». Он тогда не понимал. Теперь понимал.

Он попробовал пошевелить правой рукой. Получилось. Пальцы скребли по холодному камню.левой — хуже. Что-то давило на плечо, не давая двинуть. Краг глубоко вздохнул, набирая в лёгкие влажный, тяжёлый воздух, и медленно выдохнул. Он знал, что кислорода осталось мало. Знал, что если не выберут в ближайшие часы — конец. Но знание это не вызывало в нём страха. Только глухую, спокойную злость. Злость, которая копилась годами, как вода в старом колодце.

Ему было одиннадцать, когда он впервые увидел человека. Человек пришёл на нижние уровни, чего люди почти никогда не делали. Они предпочитали ждать наверху, у главного входа в гору, где у них была контора. Контора — громкое слово для деревянного сарая с железной крышей. Но для гномов это слово звучало как «храм». Там сидел главный пе-

рекупщик. Толстый человек с потными руками и золотыми зубами. Его звали Борво. Гномы между собой называли его Свиньёй, но только шёпотом. Когда он спускался вниз — а спускался он редко, только если партия была особенно крупной, — гномы выстраивались в ряд и опускали головы. Не из уважения. Из страха. Потому что Борво мог уйти к другому клану. И тогда всему клану Крага конец.

Брата Крага убили, когда Крагу было тринадцать. Война с кланом Красного Камня. Люди продали тем оружие — старые, ржавые мечи и несколько арбалетов. Клан Крага тоже купил оружие, но хуже. Потому что их камни люди оценили ниже. Почему — никто не объяснял. Просто пришёл Борво, посмотрел партию рубинов и сказал: «Товар не очень. Цену срезаю». И срезал в десять раз. А рубины были хорошие. Краг сам их добывал. Собственными руками выковыривал из породы. Камень к камню. Кровь на пальцах. Но Борво сказал — плохие. И всё. Никто не спорил. Потому что спорить — это терять всё. У клана Красного Камня был другой перекупщик. Скупой, но не такой наглый. И они получили больше мечей. Больше мечей — больше смертей.

В тот год погибло много гномов. Брат Крага, Орм, ушёл воевать и не вернулся. Ему было семнадцать. Он был выше Крага на голову и умел смеяться так, что дрожали стены штольни. Краг помнил его смех до сих пор. Помнил, как они вдвоём сидели в общем бараке после смены и Орм рассказывал истории о поверхности. Истории эти он слышал от ста-

рого Торвальда, который однажды, ещё в молодости, выбирался наружу — помогал грузить камни в телеги. Торвальд говорил, что там, наверху, есть что-то огромное и горячее. «Солнце», — шептал он, и слово это звучало как заклинание. «Оно обжигает. Но без него всё умирает». Орм всегда добавлял: «Когда-нибудь мы выйдем наверх и увидим солнце». Краг верил. Потом перестал.

Теперь он лежал под завалом и думал о том, что если умрёт здесь, то хотя бы не увидит, как его младшая сестра, Лита, пойдёт в шахту. Ей было восемь. В восемь лет гномов уже ставят на сортировку породы. Лёгкие у детей ещё слабые. Пыль убивает их быстрее. Краг помнил, как Лита плакала, когда мать впервые сказала ей, что пора работать. «Я не хочу в темноту», — говорила она. Мать ничего не ответила. А что она могла ответить? Что выбора нет? Что если Лита не пойдёт — клан недосчитается дневной нормы? Что люди уйдут к другому клану? Что тогда начнётся война? Мать просто молчала, и молчание это было тяжелее слов.

Краг снова пошевелил правой рукой. Нашупал рядом обломок кирки. Деревянная рукоять, влажная от подземной сырости. Металлический наконечник отломан. Хорошая была кирка. Отец её ковал сам, из последнего железа, что удалось выменять у людей на изумруд размером с кулак. Изумруд ушёл, кирка осталась. Теперь сломана. Всё ломается в этой горе. Камни, железо, кости.

Где-то далеко, сквозь толщу породы, он слышал звук.

Стук. Ритмичный, тяжёлый. Стук молотов о камень. Это шахтёры пробиваются. Ищут его. Может быть. А может, просто расчищают проход, чтобы добраться до жилы, которую они с отцом нашли за день до обвала. Жила была богатая. Рубины. Крупные, чистые, цвета голубиной крови. Отец тогда долго смотрел на них и молчал. Потом сказал: «За эти камни нам дадут много оружия. Может, даже хватит, чтобы купить мир с Красными». Краг тогда не поверил. И оказался прав.

Стук становился громче. Краг попытался крикнуть, но из горла вырвался только хрип. Каменная пыль, везде эта пыль. Она была у него в лёгких, в крови, в мыслях. Он кашлянул, сплюнул что-то густое, солёное, и попробовал снова. «Здесь!» — голос прозвучал слабо, как писк новорождённого. Но стук на мгновение стих, и он услышал голос. Голос был далёкий, искажённый породой, но Краг узнал его. Это был Рун. Старый Рун, который работал в забое ещё с его дедом. Рун был медленный, кривоногий, с руками, похожими на корни старого дуба, но в шахте он чувствовал себя лучше, чем кто-либо. «Держись, парень!» — донеслось сквозь камень. Краг закрыл глаза. Глаза щипало от пыли, но он не плакал. Он не плакал с того дня, как унесли Орма.

Он стал вспоминать, как умер Орм. Это было неправильно — думать о мёртвом брате, когда сам лежишь под завалом, но мысли текли сами. Орм погиб не в бою. Вернее, не совсем в бою. Его ранило в стычке, стрелой в живот. Стрела

была отравлена. Красные Камни всегда использовали яд — делали его из каких-то грибов, что растут на нижних уровнях. Говорили, что этот яд разъедает внутренности медленно, в течение нескольких дней, и человек умирает в страшных муках. Орма принесли домой. Он лежал на куче тряпья в углу барака и пытался шутить. «По крайней мере, я увидел, как выглядит Красный Камень вблизи. Ничего особенного», — говорил он, пока его губы синели. Мать держала его за руку. Она ещё видела тогда, но уже плохо. Краг стоял рядом и не знал, что делать. Он хотел что-то сказать, но слова застревали в горле, как кости в пересохшем колодце. Орм умер на третью ночь. Перед смертью он бредил. Говорил о солнце, о зелёных полях, о ветре, который пахнет травой. Вещи, которых он никогда не видел. Вещи, о которых только слышал от стариков. Краг тогда подумал: мы умираем за то, чего у нас никогда не было. Мы убиваем друг друга за право оставаться рабами.

Потом он узнал правду. Правду, которая не давала ему спать последние три года. Он узнал её случайно. В тот день они с Руном поднимали партию камней на поверхность. Обычно перекупщики сами спускались раз в цикл, но в тот раз что-то пошло не так — то ли Борво заболел, то ли просто обленился, — и гномам велели принести товар наверх. Краг и Рун тащили тяжёлый ящик по узкому лазу, когда услышали разговор. Разговаривали двое людей. Один — Борво. Второй — кто-то незнакомый, с резким голосом и странным акцен-

том. Краг потом узнал, что такие акценты бывают у заморских купцов. Тех, что приплывают на больших кораблях и забирают камни дальше, за море. Борво говорил тихо, но эхо в штольне разносило звук. «конечно, я им даю десятую часть. Они же тупые, эти гномы. Не знают рынка. Если я им скажу, что камень стоит мешок муки, они поверят». Второй засмеялся. «И что, не бунтуют?» — спросил он. Борво хмыкнул. «А куда им деться? У них кланы воюют. Если один не продаст — продаст другой. А мы поможем другому оружием. Так что выбор простой: либо они работают на нас, либо их вырезают соседи. Вечный двигатель».

Краг тогда замер. Ящик чуть не выпал из рук. Рун посмотрел на него, но ничего не сказал. Старый Рун всё знал. Он знал это давно. Может, с самого начала. Краг видел это по его глазам — глазам человека, который смирился с тем, что мир устроен несправедливо, и не пытается его менять. Краг не смирился. Он стоял в темноте, слушал смех людей и чувствовал, как внутри него растёт что-то новое. Не просто злость. Не просто обида. Это было похоже на то, как если бы в его груди разгорался маленький кусок солнца — горячий, опасный, но дающий свет.

Стук молотов стал совсем близко. Краг открыл глаза. В щели между камнями мелькнул слабый свет. Масляная лампа. Значит, спасатели уже рядом. Он снова попытался крикнуть, и на этот раз голос прозвучал громче: «Я здесь! Живой!». Камни заскрипели, посыпалась мелкая крошка. Чей-

то голос — уже не Руна, а моложе, — крикнул: «Осторожнее! Тут свод слабый!». Краг лежал и ждал. Ждал, когда его достанут из-под завала, чтобы он мог вернуться в мир, где нет солнца, нет справедливости и нет выбора. Вернуться, чтобы снова взять в руки кирку и спуститься в забой. Вернуться, чтобы смотреть, как его сестра кашляет каменной пылью, а мать сидит в темноте и молчит.

Но он знал, что в этот раз всё будет по-другому. Потому что идея уже зародилась в нём. Идея, простая и страшная, как удар обухом по голове: что будет, если гномы перестанут продавать камни? Все сразу. Все кланы. Что тогда сделают люди? Уйдут к кому? К другим гномам? Но если другие гномы тоже откажутся — куда они пойдут? За море, где есть другие шахты? Может быть. Но пока их нет — у гномов есть власть. Власть, которую они никогда не использовали просто потому, что не знали о ней. Или боялись. Или не могли договориться друг с другом, потому что всю жизнь их учили ненавидеть соседа.

Камень над головой заскрежетал, и в щель просунулась рука. Грязная, в шрамах, с обломанными ногтями. Рука шахтёра. «Держись, Краг», — сказал голос. Это был Дун, молодой парень, всего на год старше Крага. Он работал в соседнем штреке и, видимо, вызвался идти в спасательную партию. Краг схватился за его руку, и Дун начал тянуть. Было больно. Ноги, которые всё ещё оставались под завалом, напомнили о себе острой вспышкой. Краг заскрипел зубами,

но не закричал. Гномы не кричат. Даже когда больно.

Его вытащили. Долго, мучительно, по сантиметру. Когда он наконец оказался на свободе, то первым делом попытался встать, но ноги не держали. Рун подхватил его под мышки. «Тихо, парень, тихо. Лежи пока». Краг не хотел лежать. Он хотел идти. Идти к другим гномам, ко всем кланам, и рассказать им то, что слышал тогда в штольне. Рассказать, что их грабят. Что люди смеются над ними. Что цена камней, которую им дают, — это не цена, а подачка. Что они могут требовать больше. Что они могут не работать вообще. Что они могут объединиться.

Но он знал, что это — глупость. Детская мечта. Никто не станет его слушать. Гномы из других кланов — враги. Они убили его брата. Как он может говорить с ними о союзе? Да и свои, из родного клана, будут только качать головами. «Если мы перестанем работать, — скажут они, — люди купят камни у Красных. И тогда Красные нападут на нас. И перебьют всех». Это был замок, который нельзя открыть. Ключ был, но он не подходил, потому что сам замок был частью проклятой машины, придуманной людьми. Машины, которая перемалывала кости гномов в золото для перекупщиков.

Его положили на деревянные носилки и понесли по штольне. Свет масляных ламп прыгал по стенам, выхватывая из темноты куски породы. Гномы шли молча. Только слышно было, как скрипят носилки и капает вода где-то в темноте. Краг смотрел в потолок штольни — чёрный, закопчён-

ный, местами укреплённый старыми брёвнами, — и думал об одном. О том, что он видел сегодня, когда был под завалом. Видел не глазами. Видел внутри себя. Картину, яркую и чёткую: гномы, все гномы, стоят вместе, без кирок, без оружия, просто стоят и смотрят вверх. И где-то там, над толщей породы, над конторой перекупщиков, над землёй, которую они никогда не видели, восходит солнце. И оно не обжигает. Оно греет.

Носилки качнулись, и Краг почувствовал, как сознание уплывает. Боль, усталость, пыль в лёгких — всё смешалось в мутный ком. Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в темноту, — голос старого Руна: «Ты крепкий парень. Выкарабкаешься. А зря». Краг не понял, что значит это «зря». Может, Рун имел в виду, что лучше бы умереть сейчас, чем жить так, как живут они. А может, что-то другое. Что-то, что старый шахтёр знал, но не говорил.

Краг провалился в сон без сновидений. Ему ничего не снилось. В этой темноте снов не бывает. Только пустота, чёрная и глубокая, как сама гора.

Когда он очнулся, была ночь. Или день. Этого никто не знал. В подземном королевстве время измеряли не солнцем, а звоном колокола, который люди установили у входа в шахту. Колокол звонил три раза: начало смены, перерыв, конец смены. Двенадцать часов работы. Двенадцать часов сна. Всё просто. Сейчас колокол не звонил — значит, было время сна. Краг лежал на своём обычном месте, на куче старой соломы,

укрытый рваным одеялом. Рядом сидела Лита. Увидев, что он открыл глаза, она всхлипнула и прижалась к нему. «Я думала, ты тоже умрёшь», — прошептала она. Краг обнял её. Худенькое тельце дрожало. «Я не умру», — сказал он, хотя сам не был в этом уверен. Ноги болели, но двигались. Он осторожно пошевелил пальцами — работают. Значит, просто ушиб, не перелом. Повезло. Везение в шахте — редкая вещь.

Лита посмотрела на него большими, как у всех гномов, глазами. Глазами, которые никогда не видели дневного света и потому казались какими-то прозрачными, будто сделанными из воды. «Мама сказала, что завтра я пойду на сортировку». Краг почувствовал, как внутри снова разгорается тот маленький кусок солнца. «Нет, — сказал он. — Ты не пойдёшь». Лита моргнула. «Но как же? Все идут в восемь». Краг не ответил. Он не знал, как объяснить восьмилетней девочке, что он собирается сломать систему, которая существует сотни лет. Систему, которую не смог сломать никто. Он просто сказал: «Я что-нибудь придумаю». Лита поверила. Дети всегда верят старшим братьям, даже когда те врут.

Потом он лежал и смотрел в темноту. Где-то рядом спали другие шахтёры — слышно было, как они дышат, кашляют, ворочаются на своих соломенных подстилках. Пахло потом, каменной пылью и чем-то кислым. Краг думал о том, что завтра начнётся новый цикл. Он встанет, пойдёт в забой, возьмёт кирку и будет бить по камню, как били его отец, дед,

прадед. И ничего не изменится. Если он ничего не сделает. А он должен что-то сделать. Он не знал что. Но знал, что должен.

Где-то далеко, на поверхности, шёл дождь. Гномы не знали, что такое дождь. Они знали только воду, которая сочится сквозь породу, — холодную, жёсткую, пахнущую известью. Дождь был для них мифом, как солнце, как ветер, как трава. Краг слышал о дожде от старого Торвальда. Тот говорил, что дождь — это вода, которая падает с неба. «С неба?» — переспрашивал маленький Краг. «Да. Там, наверху, есть небо. Оно большое и синее. И из него падает вода». Краг тогда не мог понять, как вода может падать сверху. Он знал только воду, которая течёт снизу, из-под земли.

Теперь он думал о небе. Думал о том, что если когда-нибудь выберется наверх и увидит небо, то первым делом посмотрит вверх и будет стоять так долго, пока не замёрзнет. Или пока не ослепнет от солнца. Или пока люди не загонят его обратно в шахту.

Лита уснула. Её дыхание стало ровным и тихим. Краг лежал и слушал это дыхание, и ему казалось, что ради него стоит жить. Ради этого тихого, хрупкого звука в мире, полном грохота и смерти. Ради того, чтобы когда-нибудь Лита увидела солнце.

Он не знал, что его убьют. Не знал, что его казнят на главной площади королевства людей, и что тело его бросят в ров, и что имя его станет легендой, которую будут рассказывать

шёпотом в штольнях ещё сто лет. Он не знал, что гномы освободятся, но освобождение принесёт новые войны. Он знал только, что завтра утром, когда колокол ударит начало смены, он встанет и пойдёт в забой. И будет делать то, что делал всегда. Но с одной разницей: теперь у него есть идея. А идея — это опаснее кирки.

Колокол молчал. Ночь длилась. Тьма была везде. Но где-то внутри Крага, глубоко, под слоями усталости и боли, теплится свет. Маленький, слабый, как уголёк в потухшем костре. Но он был. И это было главное.

Цена камня

Колокол ударил трижды. Звук был глухой, низкий, он не летел, а полз по штольням, протискиваясь в самые дальние забои. Краг открыл глаза. Тело болело так, будто его всю ночь били кувалдой. Особенно ноги. Он сел, стиснув зубы, и посмотрел на свои ступни. Распухшие, синие, в ссадинах. Но пальцы шевелились. Уже хорошо. Он натянул сапоги — старые, из дублёной кожи, протёртые до дыр на пятках. Сапоги были отцовские. Всё у него было отцовское: сапоги, кирка, место в забое и кашель по утрам.

Барак просыпался. Гномы кашляли, сплёвывали на пол, растирали затёкшие плечи. Кто-то гремел миской, кто-то ругался вполголоса. Пахло кислой капустой и мокрой шерстью. Литы на её подстилке уже не было — ушла помогать матери. Краг встал, постоял, проверяя, держат ли ноги. Держали. Плохо, но держали. Он взял со стены кирку, старую, отцовскую, и вышел в штольню.

Там уже тянулась цепочка шахтёров. Серые спины, согнутые плечи, руки, висящие почти до колен. Гномы шли молча. Говорить было не о чем. Всё, о чём можно было говорить, было сказано много лет назад, и повторять это не имело смысла. Краг встал в общий поток и двинулся вниз, в забой. Масляные лампы, развешанные по стенам через каждые пятьдесят шагов, давали мало света, но гномам хватало. Их

глаза привыкли к полутьме так, что они могли разглядеть трещину в породе там, где человек не увидел бы собственной руки.

У входа в штрек стоял Рун. Он был уже старый, совсем старый — ему шёл сороковой год, и это считалось глубокой старостью. Рун курил трубку. Дым был едкий, пах торфом и чем-то сладковатым — так пахли грибы с нижних уровней, которые Руй собирал и сушил тайком от надзирателей. Надзирателей-людей в забоях не было — люди боялись спускаться глубоко, — но были свои, из гномов, которых люди назначали старшими и платили им чуть больше. Их называли «глазами». Глаза смотрели за тем, чтобы никто не воровал камни и чтобы норма выполнялась. Норма была простой: восемь корзин породы за смену. Из них хотя бы две — с рубинами. Если меньше — штраф. Штраф означал, что клан получит меньше еды. Меньше еды — больше смертей. Простая математика, которую понимали даже дети.

— Живой, — сказал Рун вместо приветствия. Это был не вопрос. Рун никогда не задавал вопросов, на которые знал ответ.

— Живой, — ответил Краг.

Рун выпустил облако дыма и посмотрел на Крага долгим взглядом. Взгляд у него был странный, какой-то слишком прозрачный, словно он видел не лицо Крага, а что-то за ним. Что-то, что ещё не случилось, но уже приближалось.

— Ты вчера бредил, — сказал Рун. — Говорил о солнце.

Краг нахмурился. Он не помнил, чтобы говорил о солнце. Он вообще не помнил, как его тащили из-под завала и как укладывали на солому.

— И что я говорил?

— Говорил, что мы все увидим солнце. Что мы выйдем наверх и будем стоять под ним, и никто нас не прогонит. — Рун сплюнул. — Глупости.

— Почему глупости?

— Потому что солнце — это для людей. Для нас — тьма. Так было, так будет.

Краг промолчал. Спорить с Руном было бессмысленно. Старый шахтёр верил в порядок вещей так же крепко, как верил в то, что камень твёрдый, а вода мокрая. Для него мир был устроен раз и навсегда, и менять его — всё равно что бить киркой по воздуху.

Они вошли в штрек. Здесь было темнее, чем в главной штольне, — лампы висели реже, а масло для них сэкономили. Воздух был спёртый, тяжёлый, пах каменной пылью и чем-то кислым, похожим на запах старого пота. Краг зажёл свою лампу — маленький глиняный светильник с фитилём, — поставил её в нишу в стене и взялся за кирку. Камень был твёрдый, старый. Базальт. В базальте рубины встречались редко, но уж если встречались, то крупные, чистые, без трещин. Краг знал это. Знал и то, почему их с Руном поставили именно сюда: потому что здесь была самая тяжёлая порода и самая высокая смертность. Молодые и сильные долж-

ны работать в плохих забоях, старые и слабые — в хороших. Так решили Глаза. Решение было справедливым в той логике, которая царила под землёй: чем ты сильнее, тем быстрее должен умереть, потому что иначе ты начнёшь задавать вопросы.

Краг ударил киркой по стене. Удар, второй, третий. Полетели искры. Камень не поддавался. Он был как сама гора — старый, равнодушный, вечный. Краг бил и бил, и каждый удар отдавался болью в ногах, в спине, в плечах. Пот заливал глаза. Он не останавливался. Остановиться значило подумать, а думать было страшно. Мысли в этой темноте становились громкими, слишком громкими, они начинали звучать как голоса, и голоса эти говорили то, что Краг не хотел слышать.

К полудню — полдень определяли по удару колокола, не по солнцу, — он набил три корзины породы. Рубинов не было. Рун работал рядом, методично, без суеты. Его кирка поднималась и опускалась с ритмом маятника. Старик не уставал — или делал вид, что не устаёт. Краг знал, что у Руна болят суставы и что по ночам он стонет во сне, но в забое старик держался прямо. Таких, как он, было мало. Большинство гномов к тридцати годам уже не могли ходить без палки.

В перерыв они сели у стены. Ели холодную кашу из размолотых грибов, запивали водой из общей фляги. Вода была тёплая, с железным привкусом.

— Рун, — сказал Краг, — ты когда-нибудь думал о том,

сколько стоят наши камни?

— Знаю, сколько, — ответил Рун. — Десять медяков за корзину рубинов.

— А сколько они стоят на самом деле?

Рун перестал жевать. Посмотрел на Крага, прищурился.

— Ты о чём?

— Я слышал, как Борво говорил с каким-то заморским купцом. Он сказал, что даёт нам десятую часть. Десятую, Рун. Это значит, что настоящая цена в десять раз выше. А остальное он кладёт себе в карман.

Рун долго молчал. Потом откусил ещё каши, прожевал, проглотил. И только потом заговорил:

— Я знаю это.

Краг опешил.

— Знаешь? И молчишь?

— А что толку говорить? — Рун посмотрел на Крага усталю, как смотрят на ребёнка, который спрашивает, почему камень падает вниз, а не вверх. — Ты думаешь, я всегда был старым дураком? Я тоже, когда был молодым, злился. Хотел справедливости. Даже пытался поговорить с другими.

— И что?

— И ничего. Меня избили Глаза. Сказали: ещё раз — и тебя отдадут Красным Камням в обмен на перемирие. А Красные убили бы меня. Или того хуже — отправили бы в свои заботы, где ещё темнее и ещё сырее. Вот и всё.

Краг сжал кулаки. Каша во рту стала безвкусной, как пе-

сок.

— Но если бы все вместе Если бы все гномы из всех кланов отказались работать

— То люди купили бы камни у орков, — перебил Рун. — Или у троллей. Или у кого-нибудь ещё. Ты думаешь, мы одни такие? Думаешь, только у нас есть горы? Мир большой, парень. И везде, где есть что-то ценное, есть те, кто это забирает за бесценок. А те, кто пытается спорить, просто исчезают.

Краг не ответил. Рун говорил правду — ту правду, которую Краг и сам знал, но не хотел признавать. Но где-то внутри, под слоями усталости, жило упрямство. То самое упрямство, которое заставляет шахтёра долбить породу, даже когда руки стёрты до костей. Упрямство, которое не давало ему просто лечь и умереть.

После перерыва они снова взялись за кирки. Краг работал молча. Мысли крутились в голове, как белка в колесе. «Если все откажутся — люди уйдут к оркам». Это правда. Но где эти орки? Где их шахты? За морем. А море — это долго, опасно, дорого. Пока они найдут орков, пока договорятся, пока наладят добычу — пройдут месяцы, может быть, годы. А людям камни нужны сейчас. Король людей, о котором Краг слышал только в рассказах, продаёт рубины тем же заморским купцам, чтобы покупать оружие и зерно. Без камней его казна опустеет. Без камней его армия останется без мечей. Значит, у гномов есть власть. Маленькая, но есть.

Проблема была в другом: как заставить все кланы дей-

ствовать вместе? Как договориться с теми, кто убил твоего брата? Краг не знал. Но мысль эта теперь сидела в нём, как заноза. Он знал, что рано или поздно попытается.

Смена закончилась, когда колокол пробил трижды. Гномы потянулись обратно в барак. Краг шёл последним. Ноги гудели, спина ныла, в ушах стоял звон от ударов кирки. Он мечтал только об одном: лечь на солому и закрыть глаза. Но когда он вошёл в барак, то увидел, что на его подстилке кто-то сидит.

Это была Мирра. Мать. Она сидела, выпрямившись, как струна, и смотрела в пустоту своими слепыми глазами. Рядом стояла Лита, держа её за руку.

— Краг, — сказала Мирра. Голос у неё был тихий, как всегда, но в нём слышалось что-то новое. Какая-то сталь, которой Краг раньше не замечал. — Подойди.

Он подошёл. Сел рядом. Лита смотрела на него испуганно.

— Лита сказала, что ты не хочешь, чтобы она шла на сортировку, — произнесла Мирра.

— Да, — ответил Краг. — Не хочу.

— Почему?

— Потому что ей восемь лет. Потому что она умрёт там через пять лет от кашля. Потому что это неправильно.

Мирра помолчала. Её незрячие глаза были направлены куда-то в стену, но Крагу казалось, что она видит его насквозь.

— Твой отец говорил то же самое. Про тебя. Хотел, чтобы ты не шёл в шахту.

Краг вздрогнул. Он не помнил этого.

— Он пошёл к Борво, — продолжала Мирра. — Встал на колени. Просил разрешить тебе учиться ремеслу — кузнечному или ещё какому. Чтобы ты не дышал пылью.

— И что Борво?

— Борво засмеялся. Сказал: «Кто тогда будет добывать камни? Твоя слепая жена?» — Мирра сжала пальцами край одеяла. — Твой отец ударил его.

Краг замер. Этого он не знал. Этого не знал никто.

— Его схватили Глаза. Избили. А через день в восточном штреке случился обвал. Твой отец был там. Его не достали.

Повисла тишина. Лита всхлипнула. Краг почувствовал, как холод растекается по телу. Он всегда думал, что отец погиб случайно. Как погибают сотни шахтёров — из-за ветхих крепей, из-за жадности людей, которые экономили на дереве. Но теперь он знал. Знал, что смерть отца была не случайностью. Она была наказанием. Наказанием за то, что гном посмел поднять руку на человека.

— Почему ты молчала? — спросил он.

— А что бы это изменило? — Мирра повернула голову к нему. — Ты бы бросился мстить. И тебя бы убили. Или отдали Красным. Я потеряла мужа. Потеряла старшего сына. Я не хотела потерять последнего.

Она протянула руку и нащупала его плечо. Пальцы были

сухие, горячие, как угли.

— Твой отец думал, что можно что-то изменить. Он ошибался. Не повторяй его ошибок.

Краг сидел, не двигаясь. Внутри у него всё кипело, но он молчал. Молчал, потому что спорить с матерью было нельзя. Молчал, потому что в её словах была правда — та правда, которую он не хотел слышать. Но где-то глубоко, под гневом и болью, зрело решение. Не месть. Не бунт. Что-то другое, чему он ещё не знал названия.

Ночью, когда все уснули, он лежал с открытыми глазами и слушал дыхание спящих. Где-то далеко, в главной штольне, капала вода. Кап. Пауза. Кап. Мерный звук, убаюкивающий, как колыбельная. Краг не спал. Он думал об отце. О том, как тот стоял на коленях перед толстым человеком с золотыми зубами. О том, как его ударили. О том, как он шёл в восточный штрек, зная, что может не вернуться. И о том, что он всё равно пошёл. Потому что был упрямым. Таким же упрямым, как камень, который долбил всю жизнь.

Краг встал. Бесшумно, чтобы не разбудить Литу, выбрался из барака и пошёл по штольне. Масляные лампы едва теплились — масло сэкономили, и ночью их гасили почти полностью. Он шёл почти наощупь, ведя рукой по стене. Камень был холодный, влажный, шершавый. Краг знал эту стену. Знал каждый выступ, каждую трещину. Он мог бы пройти по этим штольням с закрытыми глазами, и сейчас, в темноте, это было почти то же самое.

Он шёл к старой штольне. Той самой, где они с Руном тогда подслушали разговор Борво и заморского купца. Это место было заброшено — там осыпался свод, и туда не ходили даже Глаза. Но Краг знал, что сквозь ту штольню можно подняться почти к самой поверхности. Когда-то, много лет назад, там был вентиляционный ход. Его завалило, но не до конца. Если расчистить завал — можно выбраться наружу. Не через главный вход, где стоит стража, а сбоку, там, где гора спускается к реке.

Он стоял у входа в старую штольню и смотрел в черноту. Оттуда тянуло холодом и сыростью. Где-то там, наверху, был мир людей. Мир, о котором он знал только по рассказам. Мир, где есть солнце, небо, зелёные поля и ветер. Мир, где живут те, кто покупает рубины. Мир, где живёт король. Краг думал о короле. Думал о том, что король, наверное, богат и могуч, что он сидит в огромном дворце, ест хлеб и смеётся над гномами. Но что-то не складывалось. Если король так богат — почему Борво отдаёт ему камни за десятую часть цены? Или король тоже получает меньше, чем они стоят? А настоящие деньги уходят за море, к тем, кто приплывает на больших кораблях и говорит с резким акцентом?

Он не знал ответов. Но решил, что узнает.

Когда Краг вернулся в барак, Литя не спала. Она сидела на подстилке и смотрела на него испуганными глазами.

— Ты уходил, — прошептала она.

— Да.

— Куда?

— Гулял.

Лита помолчала. Потом сказала:

— Ты опять хочешь что-то сделать. Что-то опасное.

Краг сел рядом, обнял её.

— Я хочу, чтобы ты не шла в шахту. И чтобы мама не сидела в темноте. И чтобы мы все увидели солнце.

— Солнца не бывает, — сказала Лита. — Это сказка.

— Это не сказка.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Он прижал её к себе. — Спи.

Лита закрыла глаза. Её дыхание стало ровным, но Краг знал, что она не спит — просто притворяется, чтобы он не волновался. Дети в шахтах рано учатся притворяться. Притворяться, что не больно. Притворяться, что не страшно. Притворяться, что темнота — это нормально.

На следующий день всё пошло не так.

Это был день выплаты. Раз в десять дней Борво спускался вниз — или присылал кого-то из своих помощников, — чтобы принять добытые камни и выдать плату. Плата была не в деньгах — деньги гномам были не нужны, потому что покупать им было нечего. Плата была в еде: мешки с мукой, бочки с солониной, сушёные овощи, иногда — ткань для одежды. Всё это привозили люди сверху, сгружали у главного входа, и Глаза распределяли между кланами.

В этот день вниз спустился сам Борво. Он был в хорошем

настроении — громко смеялся, хлопал Глаз по плечам, шутил. От него пахло потом и пивом. Гномы выстроились в очередь, держа в руках свои мешочки с камнями. У каждого был свой мешочек — маленький, кожаный, с личной меткой. Гномы не воровали друг у друга. Воровать у своего считалось последним делом. А вот у людей — другое дело. Но за воровство у людей казнили.

Краг стоял в очереди и смотрел, как Борво принимает камни. Толстые пальцы перебирали рубины, подносили к лампе, щурились, цокали языком. Иногда Борво бросал камень в общую кучу, иногда откладывал в сторону, бормоча: «Брак. Трещина. Мутный. Цена — половина». Гномы молчали. Спорить было нельзя.

Когда подошла очередь Крага, он высыпал на стол свои камни. Три небольших рубина, мутноватых, с вкраплениями. Он знал, что камни плохие. Знал с самого начала смены, когда увидел жилу. Но выбора не было: или эти, или совсем ничего.

Борво посмотрел на камни, хмыкнул.

— Это даже не половина. Это мусор. — Он поднял глаза на Крага. — Ты кто такой? Что-то я тебя не помню.

— Краг. Сын Дорна.

Лицо Борво на мгновение изменилось. Что-то мелькнуло в глазах — то ли узнавание, то ли тревога. Но тут же исчезло.

— А, сын Дорна. — Он покрутил рубин в пальцах. — Твой отец тоже плохо работал. И кончил плохо.

Краг сжал кулаки. Ногти впились в ладони. Он ничего не сказал.

— Ладно, — Борво бросил камни в общую кучу. — За это — полмешка муки. И скажи спасибо, что я добрый.

Полмешка муки за три дня работы. За три дня в забое, где порода твёрже железа. Где он чуть не погиб. Краг открыл рот, чтобы что-то сказать, но Рун, стоявший сзади, незаметно толкнул его в спину. Молчи. Краг замолчал. Взял свой мешочек и отошёл.

Вечером в бараке было тихо. Гномы перебирали полученную еду, считали запасы, прикидывали, хватит ли до следующей выплаты. Краг лежал и смотрел в потолок. Гнев, который он копил весь день, теперь остыл и превратился во что-то другое. Холодное. Твёрдое. Как камень.

— Рун, — позвал он тихо.

Старик повернул голову.

— Чего тебе?

— Ты говорил, что пытался бунтовать.

— Пытался.

— Что именно ты сделал?

Рун долго молчал. Потом сел, зажёг трубку.

— Собрал десяток парней. Таких же молодых и глупых. Мы решили не выходить на смену. Просто не встали утром с подстилок. Думали, люди испугаются, пойдут на уступки.

— И что?

— Пришли Глаза. С ними — наёмники из людей. Нас вы-

волокли на поверхность. Был день. Ярко, я чуть не ослеп. Нас поставили на колени перед Борво. Он сказал: «Кто зачинщик?» Мы молчали. Тогда он взял одного парня — его звали Торин, он был из другого барака, — и зарезал. Прямо там. Ножом. Кровь текла на камни. Борво сказал: «Завтра вы все выйдете на смену. Если нет — умрёт ещё один». Мы вышли.

Краг слушал, и внутри него всё холодело.

— А если бы вас было больше? Не десять, а сто? Тысяча? Рун покачал головой.

— У них оружие. У нас — кирки. У них стража. У нас — ничего. Ты не понимаешь главного, парень. Мы для них — не люди. Мы — инструмент. Как кирка. Как лампа. Инструмент не может бунтовать. Его можно только сломать и заменить.

— Но мы не инструмент, — сказал Краг. — Мы живые.
— Для них — нет.

Рун погасил трубку и отвернулся. Разговор был окончен.

Краг не спал всю ночь. Он лежал и думал о том, что сказал Рун. «Мы для них — не люди». Эта мысль жгла, как кислота. Но ещё больше жгла другая мысль: «А мы сами? Мы сами считаем себя людьми? Или мы уже поверили, что мы — просто кирки, просто лампы, просто инструмент, который должен работать, пока не сломается?»

Ответа не было.

Утром, перед началом смены, он отозвал в сторону Дуна.

Того самого парня, что вытаскивал его из-под завала.

— Дун, — сказал Краг тихо, — ты мне веришь?

Дун удивлённо моргнул.

— Верю. А в чём дело?

— Я хочу кое-что сделать. Но мне нужна помощь. Ты со мной?

Дун посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Со мной. Говори, что надо.

И Краг заговорил. Быстро, сбивчиво, оглядываясь, не слышит ли кто. Он рассказал о том, что слышал в старой штольне. О том, что цена камней в десять раз выше, чем им говорят. О том, что Борво набивает карманы, а король, возможно, даже не знает об этом. А если и знает — то, может быть, ему тоже можно что-то объяснить.

— Я хочу выйти наверх, — закончил Краг. — Тайно. Пробраться в королевство людей и поговорить с королём.

Дун смотрел на него, как на сумасшедшего.

— Ты хочешь пойти к королю? К королю людей?

— Да.

— Тебя убьют.

— Может быть. — Краг пожал плечами. — Но если я ничего не сделаю — убьют всех нас. Просто медленнее.

Дун молчал. Было видно, что внутри него борются страх и что-то ещё — то ли верность, то ли отчаяние.

— Я знаю ход, — сказал Краг. — Через старую штольню. Там завал, но его можно расчистить. Я пойду ночью. Мне

нужен кто-то, кто прикроет меня здесь. Скажет, что я заболел. Или что меня перевели в другой штрек. Чтобы Глаза не хватились.

— Они всё равно хватятся.

— Не сразу. Мне нужно всего несколько дней.

Дун глубоко вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу. Но если ты не вернёшься

— Если я не вернусь, — перебил Краг, — расскажи всё другим. Расскажи, что я пытался сделать. Может быть, тогда кто-нибудь другой попробует снова.

Дун кивнул. Лицо у него было бледное, но решительное.

Вечером, когда все уснули, Краг собрался. Он взял с собой только флягу с водой, кусок сушёного мяса и маленький мешочек с рубинами — теми самыми, что он утаил от Борво ещё в прошлом цикле. Камни были плохие, но всё равно что-то стоили. Может быть, пригодятся.

Он подошёл к подстилке Литы. Сестра спала, свернувшись калачиком. Краг постоял над ней, потом наклонился и поцеловал в лоб. Лита не проснулась.

Мать не спала. Она сидела в своём углу, выпрямившись, и смотрела в темноту.

— Ты уходишь, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да.

— Далеко?

— Да.

Мирра помолчала. Потом сказала:

— Твой отец тоже уходил. И не вернулся.

— Я вернусь.

Она ничего не ответила. Только кивнула — медленно, тяжело, словно прощаясь. Краг повернулся и вышел в штольню.

Дун ждал его у входа в старый ход. Он держал масляную лампу и небольшую кирку.

— Я расчистил немного, — сказал он. — Но там ещё метров пять. Дальше — не знаю.

— Спасибо, — сказал Краг.

— Не за что. — Дун сунул ему кирку. — Иди. И возвращайся.

Краг взял кирку, взял лампу и шагнул в темноту. Старая штольня была узкая, с осыпающимися стенами и низким потолком. Отсюда тянуло холодом и чем-то чужим — запахом, которого Краг не знал. Возможно, это был запах поверхности. Запах ветра и открытого неба.

Он шёл, пригибаясь, иногда останавливаясь, чтобы отдышаться. Ноги всё ещё болели после обвала, но держали. Через некоторое время он упёрся в завал. Груда камней и земли, уходящая вверх. Краг поставил лампу на выступ, взял кирку и начал долбить. Камни поддавались легче, чем базальт в забое, — это был известняк, мягкий, крошащийся. Он работал час, два, три. Время в темноте текло странно, то растягиваясь, то сжимаясь. Руки стёрлись до крови, но он не

останавливался.

Наконец, после очередного удара, кирка провалилась в пустоту. Краг замер. Из дыры потянуло воздухом — свежим, холодным, пахнущим чем-то незнакомым. Чем-то, чего он никогда не нюхал. Дождь. Трава. Земля после дождя. Он расширил отверстие, протиснулся в него и оказался снаружи.

Была ночь. Над головой висело что-то огромное, чёрное, усыпанное светящимися точками. Звёзды. Краг смотрел на них и не мог оторваться. Он никогда не видел звёзд. Он даже не знал, что они существуют. Ему казалось, что он попал в другой мир. Мир без стен, без потолка, без темноты. Ну, почти без темноты. Тьма здесь была другая — не плотная, как в шахте, а прозрачная, наполненная ветром и какими-то далёкими звуками. Где-то шумела вода — настоящая река, а не подземный ручей. Где-то кричала ночная птица.

Краг стоял и дышал. Дышал воздухом, в котором не было пыли. Воздухом, который пах жизнью. Он стоял так долго, пока холод не пробрал его до костей. Потом он сел на камень, достал сушёное мясо и начал жевать, глядя на звёзды. Он не знал, куда идти дальше. Он не знал, где находится королевство людей и как далеко до него. Он знал только, что путь начался. И что обратной дороги нет.

Потому что теперь, когда он увидел звёзды, он не мог забыть их. Как не мог забыть лицо отца, уходящего в восточный штрек. Как не мог забыть смех брата и слёзы матери. Всё это было с ним. Всё это вело его вперёд, в темноту, кото-

рая теперь была не под землёй, а над ней. В темноту, которая когда-нибудь сменится рассветом.

Он встал и пошёл на восток. Просто потому, что старый Торвальд когда-то говорил, что королевство людей лежит на востоке, за рекой и за холмами. Краг не знал, правда ли это. Но выбора не было. Он шёл, и звёзды висели над ним, и ветер дул в лицо, и где-то далеко, за холмами, занимался первый, ещё невидимый, но уже угадываемый рассвет.

Дорога на восток

Рассвет застал его на склоне холма. Сначала небо на востоке стало серым, потом розовым, потом золотым. Краг сидел на камне и смотрел, как мир наполняется светом. Это было страшно и прекрасно одновременно. Страшно — потому что он вдруг понял, насколько мал. Там, под землёй, мир заканчивался стенами штольни. Здесь стен не было. Здесь было пространство, уходящее во все стороны, и оно давило на него сильнее, чем толща породы. Прекрасно — потому что свет был живой. Он не горел ровно, как масляная лампа. Он дрожал, переливался, менял цвета. Краг протянул руку и увидел, как солнечные лучи ложатся на его ладонь. Кожа была серая, в шрамах и мозолях. В жизни гнома не было места красоте, но сейчас даже его изуродованная рука показалась ему красивой.

Когда солнце поднялось выше, он разглядел то, что лежало внизу. Долина. Широкая, зелёная, прорезанная лентой реки. Река блестела так, будто кто-то рассыпал по воде осколки зеркала. За рекой, на горизонте, виднелись крыши. Много крыш. Город. Или то, что Краг считал городом. Он никогда не видел города, только слышал о нём от стариков. «Там живут тысячи людей, — говорил Торвальд. — Столько, сколько камней в обвале». Краг тогда не мог представить себе такое количество. Теперь он смотрел на далёкие крыши и пытался

сосчитать дома. Сбился на втором десятке.

Он спустился с холма. Идти было трудно. Ноги, не привыкшие к неровной земле, постоянно спотыкались о корни и камни. В шахте пол был ровный, утоптаный сотнями ног. Здесь всё было другое. Трава — он впервые видел траву — была мокрая от росы и скользкая. Кусты цеплялись за одежду. Где-то стрекотали насекомые, и звук этот казался Крагу оглушительным. В шахте были свои звуки: капель, скрип крепей, удары кирок. Но они были привычные, свои. А здесь всё было чужое.

Он шёл к реке. Старый Торвальд говорил, что королевство людей стоит на большой реке, которая называется Серебрянка. «Потому что вода в ней чистая, как серебро», — объяснял он. Краг не знал, что значит «чистая». Вода, которую он пил всю жизнь, была мутная, с привкусом железа и извести. Он спустился к берегу, встал на колени и зачерпнул ладонями. Вода была холодная и прозрачная. Он пил долго, захлёбываясь, чувствуя, как она течёт по подбородку, по шее. Вкус был странный — никакой. Просто влага, без железа, без горечи. Он не знал, нравится ему это или нет.

На том берегу реки паслось какое-то животное. Большое, с рогами и тёмной шерстью. Краг замер. Он слышал о животных — о козах, которых люди держат ради молока, о лошадях, на которых ездят стражники. Но видеть их не видел. Животное подняло голову, посмотрело на него и снова опустило морду в траву. Ему не было дела до гнома. Краг пере-

шёл реку вброд — вода доходила до пояса, ледяная, обжигающая, — и выбрался на другой берег. Теперь он был в королевстве людей.

Первая деревня началась внезапно. Просто за поворотом дороги показались дома — деревянные, с соломенными крышами, покосившиеся от времени. От домов пахло дымом и навозом. У одного из них сидел старик и чинил сеть. Краг остановился. Он не знал, что делать. Подойти? Спрятаться? Гномы редко выходили на поверхность, и люди, по слухам, относились к ним по-разному. Одни боялись, другие презирали, третьи просто не замечали.

Старик поднял голову. Глаза у него были выцветшие, слезящиеся.

— Эй, — сказал он. Голос был скрипучий, как старая дверь. — Ты кто такой?

Краг открыл рот, но слова застряли. Он не знал, как говорить с людьми. Всю жизнь он говорил только с гномами, да и то мало. Язык был один, слова — те же, но интонации, паузы, сам способ строить фразу — всё было другое.

— Я гном, — сказал он наконец.

— Вижу, что не орёл. — Старик хмыкнул. — Чего тебе здесь надо?

— Мне нужно в город. К королю.

Старик замолчал. Смотрел на Крага долго, оценивающе. Потом сплюнул.

— К королю? А чего тебе у короля?

— Дело есть.

— Дело у гнома к королю? — Старик покачал головой. — Не бывает такого. Гномы в шахтах сидят. Камни копают.

— Я не просто гном. — Краг выпрямился, насколько позволял его маленький рост. — У меня важное дело.

Старик усмехнулся беззубым ртом.

— Важное дело. Ну-ну. А ты знаешь, что король-то сам не лучше твоего живёт?

Краг нахмурился. Этого он не ожидал.

— Как это?

— А так. — Старик отложил сеть. — Ты, видно, издалека. Из-под земли. Там у вас свои порядки. А здесь, наверху, тоже не мёдом намазано. Король наш — он, может, и король, а только над ним тоже хозяйева есть.

— Какие хозяйева?

— Заморские. Купцы. Приплывают на больших кораблях. У них золота — как у нас грязи. Они королю тоже цену диктуют. За хлеб, за железо, за лес. Король должен им столько, что внуки не расплатятся.

Краг слушал и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он пришёл сюда, думая, что король — главный враг. Что это он наживается на гномах. А выходило, что король сам в кабале.

— А камни? — спросил он. — Наши камни? Кому они идут?

— Камни? — Старик пожал плечами. — Камни ваши пе-

рекупщики везут в город. Там их сортируют. Лучшие — на корабли, за море. Остальное — на рынок. Королю с этого — крохи. Налог. А перекупщики сами по себе. Они королю не подчиняются.

— Как это не подчиняются?

— А так. У них своя стража, свои корабли, свои деньги. Они здесь как государство в государстве. Король их боится. Потому что если они уйдут — он вообще без денег останется.

Краг опустился на землю. Ноги не держали. Всё, во что он верил, рассыпалось, как трухлявое дерево. Он думал, что есть враг — король. Что можно прийти к нему и потребовать справедливости. А оказалось, что король сам никто. Что настоящие хозяева — те, кто за морем. Кого он никогда не видел и не увидит.

Старик смотрел на него с жалостью.

— Ты, парень, видно, долго шёл. Есть хочешь?

Краг кивнул. Он не ел со вчерашнего вечера.

Старик встал, ушёл в дом и вынес ломоть хлеба и кружку молока. Хлеб был серый, с отрубями, но Крагу он показался лучшей едой в его жизни. Он ел медленно, стараясь не подавиться, и чувствовал, как тепло разливается по телу.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. — Старик сел рядом. — Меня Хенриком звать. А тебя?

— Краг.

— Краг. Хорошее имя. Короткое. — Хенрик закурил

трубку. Дым был едкий, но пах приятно, чем-то сладким. — Значит, к королю собрался. А что ты ему скажешь?

— Я думал, он нам поможет. Думал, он справедливый.

— Справедливый? — Хенрик засмеялся. — Справедливость, парень, — это слово для сказок. В жизни справедливости нет. Есть сила. У кого сила — тот и прав. А у короля силы мало. У него армия маленькая, казна пустая. Он как мышь между котами. И коты эти — заморские купцы. Они не воюют. Они просто дают деньги в долг. А долг — это похуже войны. На войне хоть знаешь, кто враг.

Краг молчал. Он думал о том, что гномы — не единственные рабы. Что здесь, на поверхности, люди тоже гнут спину. Что король, которого он представлял себе толстым и надменным, на самом деле, может быть, такой же усталый и больной, как его мать. Это меняло всё. И не меняло ничего.

— Мне всё равно нужно в город, — сказал он. — Может, король и бессилён. Но я должен хотя бы попробовать.

Хенрик посмотрел на него долгим взглядом.

— Упрямый ты.

— Да. Это у нас семейное.

Старик кивнул.

— Ну, иди. Город вон там, по дороге. К вечеру дойдёшь. Только будь осторожен. У городских ворот стража. Гномов они не любят.

— Почему?

— Потому что гномы для них — как напоминание. О том,

что сами они тоже рабы, только чуть повыше. А такое напоминание никто не любит.

Краг встал. Поблагодарил старика и пошёл по дороге. Солнце поднялось уже высоко и пекло голову. В шахте всегда было холодно. Здесь температура менялась, и это было непривычно. Краг снял свою куртку, перекинул через плечо и шёл босиком — сапоги натёрли ноги, и он решил их пока не надевать.

Дорога была пустая. Изредка проезжали телеги, гружённые сеном или глиняными горшками. Люди на телегах смотрели на Крага с любопытством, но не останавливались. Один раз мимо проскакал всадник в кожаном доспехе. Он даже не взглянул на гнома. Краг думал, что на него будут показывать пальцами, но люди оказались равнодушны. Им было всё равно. У них были свои заботы — урожай, налоги, долги.

Чем ближе он подходил к городу, тем больше становилось домов. Деревни сменялись предместьями. Предместья — ремесленными слободами. Здесь пахло кузнечным дымом, кожей, краской. Стучали молоты, визжали пилы, кричали разносчики. Краг шёл сквозь этот шум, оглушённый, растерянный. Он никогда не слышал столько звуков сразу. В шахте был свой шум, но он был постоянный, ровный, как гул водопада. Здесь всё было рваное, беспорядочное, хаотичное.

К вечеру он дошёл до городских ворот. Ворота были высокие, обитые железом. Наверху, на стене, ходили стражники с алебардами. У входа стояли двое в кирасах и шлемах.

Они смотрели на Крага с подозрением.

— Куда? — спросил один.

— В город. У меня дело.

— Какое дело у гнома в городе?

— К королю.

Стражники переглянулись. Потом засмеялись.

— К королю? Ты? — Тот, что постарше, с рыжей бородой, покачал головой. — Гном, ты хоть знаешь, сколько народу хочет к королю? Каждый день десятки. С жалобами, с прошениями. Король никого не принимает.

— Почему?

— Потому что он занят. Или болен. Или просто не хочет.

— Рыжий сплюнул. — Давай, проваливай обратно в свою нору.

Краг стоял, сжимая кулаки. Он не для того прошёл столько, чтобы его развернули у ворот.

— У меня есть камни, — сказал он.

Стражник перестал смеяться.

— Какие камни?

Краг достал мешочек, развязал и показал. Три маленьких рубина, мутных, с трещинами, но всё же рубина. Глаза у стражника загорелись.

— Это откуда?

— Из шахты. Моя доля. Пропустите меня — и один камень ваш.

Рыжий задумался. Потом протянул руку. Краг вложил в

неё самый мелкий камень. Стражник повертел его в пальцах, попробовал на зуб.

— Ладно. Заходи. Но учти — если натворишь чего, я тебя найду и повешу лично.

Краг прошёл в ворота.

Город оглушил его. Улицы были узкие, кривые, запруженные народом. Люди шли, бежали, толкались, кричали. Пахло рыбой, дымом, духами и гнилью. Краг прижимался к стенам, стараясь не попадать под ноги. Он был ниже большинства людей на две головы, и его постоянно задевали локтями. Кто-то обругал его, кто-то пнул, кто-то просто не заметил.

Он шёл, сам не зная куда. Ему нужен был королевский дворец. Где он — Краг не знал. Спросить боялся. Кто станет говорить с гномом? В лучшем случае — не ответят. В худшем — сдадут страже.

Он свернул в переулок, потише, и остановился перевести дух. У стены сидел нищий. Оборванный, грязный, с лицом, изрытым оспой.

— Гном, — сказал нищий. — Дай монету.

— У меня нет монет, — ответил Краг.

— А что есть?

— Камни. Но тебе они не нужны.

— Покажи.

Краг показал мешочек. Нищий заглянул внутрь и присвистнул.

— Рубины. Хоть и дерьмовые, но всё равно рубины. Слу-

шай, гном. Я отведу тебя куда надо, а ты мне — один камень. Идёт?

— Откуда ты знаешь, куда мне надо?

— А куда ещё идти гному с рубинами? К королю, конечно. Ты не первый. Был тут один, года три назад. Тоже из шахты вылез. Тоже к королю хотел.

— И что с ним стало?

Нищий усмехнулся.

— Пропал. То ли стража схватила, то ли перекупщики. Тут, знаешь ли, перекупщики везде. У них свои люди есть. Они не любят, когда гномы сами с камнями ходят. Это их монополия.

Краг нахмурился.

— Монополия?

— Ну, право такое. Только они могут камни продавать. А если кто со стороны — того убирают. Бизнес, понимаешь?

Краг не понимал, но кивнул.

— Ладно. Один камень. Веди.

Нищий встал. Он оказался хромым — левая нога волочилась. Они пошли по переулкам, обходя людные места. Нищий знал город как свои пять пальцев. Они пролезали через дыры в заборах, спускались в подвалы, поднимались по каким-то шатким лестницам. Краг старался запоминать дорогу, но быстро запутался. Город был как лабиринт, только вместо стен — дома.

Через час они вышли к площади. Посреди площади стоял

дворец. Он был не такой, каким Краг его представлял. Не из золота и мрамора, а из грубого серого камня, с узкими окнами и облезшей черепицей на крыше. Флаг над башней висел рваный. Часовые у дверей стояли в мятых мундирах. Дворец выглядел так, будто его давно не ремонтировали.

— Вот, — сказал нищий. — Королевский дворец. Дальше сам. Мой камень.

Краг дал ему камень. Нищий ловко спрятал его в лохмотья и исчез, словно его и не было.

Краг остался один на площади. Он смотрел на дворец и думал. Вот оно. То, к чему он шёл. Цель. Но теперь, стоя здесь, он чувствовал только пустоту. Король, который не может ничего изменить. Перекупщики, которые сильнее короля. Заморские купцы, которые сильнее перекупщиков. Цепочка, уходящая в бесконечность. Где конец этой цепочки? Есть ли он вообще?

Он стоял и смотрел на дворец, пока к нему не подошёл часовой.

— Эй, гном. Чего тебе?

— Я хочу видеть короля.

— Король не принимает.

— У меня важное дело. О камнях. О рубинах.

Часовой скривился.

— У всех важное дело. Но король болен. И у него нет времени на каждого.

— Тогда передайте ему, что гном по имени Краг, сын Дор-

на, просит аудиенции. И что я знаю, как сделать его казну полной.

Часовой задумался. Посмотрел на Крага внимательнее.

— Жди здесь.

Он ушёл. Краг стоял и ждал. Солнце клонилось к закату. Тени становились длинными. На площади зажигались фонари. Прошёл час, второй. Краг уже думал, что часовой забыл о нём, но тут дверь открылась и вышел человек в длинном плаще.

Человек был немолодой, с усталым лицом и мешками под глазами. Одет он был богато, но как-то неряшливо, словно одевался в темноте. Он подошёл к Крагу и посмотрел на него сверху вниз.

— Ты — гном?

— Да.

— Ты говорил о камнях. Что ты знаешь?

— Я знаю, что Борво даёт нам десятую часть цены. Что остальное кладёт себе. Что король с этого почти ничего не получает.

Человек нахмурился.

— Откуда ты это знаешь?

— Слышал. Своими ушами.

Человек помолчал. Потом сказал:

— Иди за мной.

Он повёл Крага не во дворец, а куда-то вбок, в неприметную дверь. Они прошли длинным коридором, поднялись по

лестнице и оказались в маленькой комнате. Там горел камин и стояло кресло. В кресле сидел человек. Он был ещё более усталый, чем тот, что привёл Крага. На нём была старая мантия, подбитая мехом, и корона. Но корона сидела криво, словно её надели второпях.

— Ваше величество, — сказал человек в плаще. — Это тот гном.

Король поднял голову. Глаза у него были красные, воспалённые. Он смотрел на Крага без интереса, как на муху.

— Ну, говори, — сказал он. Голос был глухой, простуженный.

Краг глубоко вздохнул. Он столько раз представлял себе этот момент. Представлял, как будет говорить громко и гордо, как потребует справедливости. Но сейчас, глядя на этого измученного человека в кривой короне, он не знал, что сказать.

— Ваше величество, — начал он. — Меня зовут Краг. Я шахтёр. Мой народ живёт под землёй и добывает камни. Мы работаем с шести лет. Мы умираем от обвалов, от пыли, от войн. Люди покупают у нас камни за бесценок и продают дальше в десять раз дороже. Мы не просим богатства. Мы просим честной цены.

Король слушал, не перебивая. Когда Краг закончил, он долго молчал. Потом сказал:

— Ты думаешь, я этого не знаю?

— Если знаете, почему не измените?

Король усмехнулся. Усмешка была горькая, как полынь.

— Потому что я не могу. Перекупщики не подчиняются мне. Они подчиняются только своим хозяевам за морем. А я должен им денег. Много денег. Если я трону перекупщиков — заморские купцы потребуют долг. А у меня нечем платить. Тогда они перестанут привозить хлеб. И начнётся голод. Ты понимаешь? Я выбираю между справедливостью и жизнью моих подданных. И я выбираю жизнь.

Краг смотрел на короля и чувствовал, как внутри что-то рушится. Последняя надежда. Надежда на то, что там, наверху, есть кто-то, кто может всё исправить.

— Значит, ничего нельзя сделать? — спросил он тихо.

Король посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты смелый гном, Краг. Ты прошёл долгий путь. Ты хочешь справедливости. Но справедливости нет. Есть только деньги. Деньги — это власть. А у кого деньги — тот и диктует цену. Перекупщики могут давать вам десятую часть, потому что вы не можете продать камни никому другому. А вы не можете продать никому другому, потому что вы раздроблены. Ваши кланы воюют друг с другом. Вы сами — своё худшее оружие.

Краг опустил голову.

— Но если бы кланы объединились — начал он.

— Тогда перекупщики потеряли бы власть, — перебил король. — Но они этого не допустят. Они будут стравливать вас. Будут продавать оружие одним, потом другим. Бу-

дут поддерживать то один клан, то другой. Это вечный двигатель, гном. Вечный.

Король замолчал, закашлялся. Человек в плаще подал ему кружку с водой. Король отпил, вытер губы.

— Я скажу тебе то, чего не должен говорить, — сказал он. — Если ты хочешь что-то изменить, не иди ко мне. Иди к своим. Не пытайся найти справедливость здесь, наверху. Её нет нигде. Но если гномы перестанут продавать камни — перекупщикам придётся договариваться. Или уходить. Это единственный рычаг, который у вас есть.

— Но другие кланы не согласятся, — сказал Краг. — Они боятся.

— А ты заставь их. Не угрозами. Не силой. А правдой. Расскажи им то, что рассказал мне. И если хоть один клан тебя услышит — этого уже будет достаточно, чтобы перекупщики занервничали. Они боятся только одного: сговора. Сговора тех, кто внизу.

Краг стоял, переваривая услышанное. Король дал ему ответ. Не тот, которого он ждал, но ответ.

— Спасибо, ваше величество, — сказал он.

— Не за что. А теперь уходи. Если перекупщики узнают, что ты был здесь, тебя убьют. И меня, возможно, тоже. — Король усмехнулся. — Хотя меня-то вряд ли. Я им ещё нужен. Как символ. Как пугало. Как напоминание о том, что даже короли бывают должниками.

Краг поклонился и вышел. В коридоре его ждал человек

в плаще.

— Проводи гостя, — сказал он кому-то в темноте. Вышел слуга с лампой.

Они шли по коридорам, спускались по лестницам, пока не оказались у той же неприметной двери. Слуга открыл её и молча указал наружу.

Краг вышел на площадь. Была уже ночь. Звёзды висели над городом, яркие и равнодушные. Он стоял и смотрел на них. Всё, что он узнал сегодня, не укладывалось в голове. Король — не враг. Перекупщики — только звено в цепи. Настоящие хозяева — за морем. Но до них не добраться. Значит, нужно начинать с того, что рядом. С кланов. С гномов. С себя.

Он пошёл обратно. Через спящий город, через предместья, через мост. Он шёл всю ночь, не останавливаясь. Он не чувствовал усталости. Внутри горел тот самый уголёк, который он почувствовал под завалом. Он знал, что делать. Знал, с чего начать. Сначала — свой клан. Потом — соседние. Потом — все. Медленно. Осторожно. Как прокладывают новую штольню: сантиметр за сантиметром, проверяя свод, укрепляя стены. Это займёт годы. Может быть, всю жизнь. Но он сделает это.

Когда рассвело, он был уже у холмов. Где-то там, под ними, лежало его королевство. Тёмное, сырое, болезненное. Но оно было его. И он собирался его изменить.

Он нашёл вход в старую штольню. Протиснулся внутрь.

Темнота сомкнулась над ним, плотная, привычная. Он зажёл лампу, которую оставил здесь, и пошёл вниз. Камень под ногами был родной. Воздух пах известью и сыростью. Дом.

Когда он вошёл в барак, все спали. На его подстилке лежала Лита. Она открыла глаза, увидела его и заплакала.

— Ты вернулся, — прошептала она.

— Да.

— Ты видел солнце?

— Видел. И небо. И звёзды. И траву.

— Расскажешь?

— Обязательно.

Он лёг рядом и закрыл глаза. Завтра будет трудный день. Завтра он начнёт говорить с другими. Завтра начнётся самое сложное. Но сейчас, в эту минуту, он был просто дома.

Первый круг

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза — Рун. Лицо у старика было хмурое, морщины казались глубже обычного. Масляная лампа в его руке чадила, бросая на стены пляшущие тени.

— Вставай, — сказал Рун. — Борво приехал. На день раньше.

Краг сел, потирая глаза. Тело ещё ныло после долгого пути, ноги гудели, но голова была ясная. Он знал, что рано или поздно это случится. Борво не мог не узнать. У перекупщика везде были глаза и уши. Даже здесь, под землёй.

— Чего ему надо?

— Тебя. — Рун сплюнул. — Спрашивал про какого-то гнома, который был в городе. У короля. Говорит, что это измена.

Краг встал, натянул сапоги. Лита, спавшая рядом, проснулась и смотрела на него испуганными глазами. Он провёл рукой по её волосам.

— Всё хорошо. Сиди здесь.

В главной штольне было необычнолюдно. Гномы выстроились полукругом. В центре стоял Борво. Он был не один — с ним пришли четверо наёмников с мечами и двое Глаз из соседнего клана. Борво держал в руке плеть. Лицо у него было красное от гнева, потные волосы прилипли ко лбу.

— А, вот и он, — сказал Борво, увидев Крага. — Герой. Ходок к королю.

Краг вышел вперёд. Сердце колотилось, но он заставил себя идти медленно, не показывая страха.

— Я был у короля, — сказал он громко, чтобы слышали все. — И король сказал мне, что ты — вор. Что ты даёшь нам десятую часть цены, а остальное кладёшь себе.

По толпе пробежал шёпот. Гномы переглядывались. Борво побагровел ещё сильнее.

— Король ничего не решает, — рявкнул он. — Камни мои! Шахта моя! Вы все — мои работники. А если кто-то недоволен — может убираться. Прямо сейчас. Я найду других гномов. В соседней горе — целый клан без работы. С удовольствием займут ваше место.

— Вот именно, — сказал Краг. — Всегда есть другие гномы. Поэтому ты и можешь диктовать цену. Потому что мы разобщены. Потому что мы воюем друг с другом. Потому что мы не можем договориться.

— И никогда не договоритесь, — усмехнулся Борво. — Потому что вы — тупые землеройки. Вы только и умеете, что киркой махать.

Он щёлкнул плетью, и один из наёмников шагнул вперёд. Но в этот момент из толпы вышел Дун. Потом ещё двое молодых шахтёров — Брам и Торг. Они встали рядом с Крагом.

— Мы не будем работать, — сказал Дун. Голос у него дрожал, но он выговорил это. — Пока цена не будет честной.

Борво засмеялся.

— Четверо? Вы хотите остановить шахту вчетвером? — Он обвёл взглядом остальных. — А вы? Остальные? Тоже бастовать будете?

Тишина. Гномы стояли, опустив головы. Кто-то отступил на шаг. Кто-то спрятался за спины товарищей. Краг видел их лица — измученные, серые, покорные. Они боялись. И он понимал их. У них были семьи. Дети. Старики. Бунт означал голод. Голод означал смерть.

— Ну вот, — сказал Борво. — Демократия в действии. Большинство — за работу. — Он повернулся к Крагу. — А тебя я накажу. Примерно. Чтобы другим неповадно было. Взять его.

Наёмники двинулись к Крагу. Дун, Брам и Торг сжали кулаки, но что они могли сделать с голыми руками против мечей? Краг уже приготовился к удару, но тут вперёд вышел Рун.

— Стойте, — сказал старик.

Борво удивлённо поднял бровь.

— Чего тебе, старый?

— Ты хочешь его наказать. Хорошо. Но если ты его убьёшь или покалечишь, ты потеряешь хорошего шахтёра. А хорошие шахтёры тебе нужны. — Рун говорил медленно, спокойно, как будто обсуждал погоду. — Давай так: я беру его на поруки. Он будет работать в моём забое. Под мою ответственность. Если ещё раз выкинет что-то — накажешь

нас обоих.

Борво прищурился. Он был зол, но расчётлив. Старый Рун говорил дело. Хороший шахтёр — это деньги. А деньги Борво любил больше, чем месть.

— Ладно, — сказал он. — Но если ещё раз услышу про бунт — повешу обоих. И его сестру заодно. Понял?

Краг вздрогнул при упоминании Литы. Рун положил ему руку на плечо, сжал — молчи.

— Понял, — сказал Рун.

Борво сплюнул на камень, развернулся и ушёл. Наёмники двинулись за ним. Глаза из соседнего клана задержались на мгновение, и Краг увидел, как один из них — молодой парень с лицом, пересечённым шрамом, — едва заметно кивнул ему. Что это значило — Краг не понял.

Когда люди ушли, толпа рассосалась. Гномы разошлись по забоям. Никто не смотрел Крагу в глаза. Только Дун, Брам и Торг остались стоять рядом, молчаливые и бледные.

— Дурак ты, — сказал Рун Крагу. — Но смелый дурак. Пошли в штрек. Поговорим там.

Они спустились в забой. Рун зажёл лампу, сел на перевёрнутую тачку и долго молчал, раскуривая трубку. Краг стоял, прислонившись к стене. Дун, Брам и Торг устроились на куче породы.

— Ты видел короля, — сказал наконец Рун. — Рассказывай.

И Краг рассказал. Всё. Про дорогу на восток, про старика

Хенрика, про нищего в переулке, про короля в кривой коро-
не, про долги заморским купцам, про цепочку, которая ухо-
дит в бесконечность. Рун слушал, не перебивая. Когда Краг
закончил, старик выбил трубку о камень и сказал:

— Значит, король — не хозяин.

— Нет. Он такой же должник, как мы.

— И перекупщики тоже не хозяева.

— Они — посредники. Настоящие хозяева — те, кто за
морем. Кто даёт деньги в долг.

Рун задумался.

— Я прожил сорок лет под землёй, — сказал он. — Сорок
лет, Краг. И всё это время я думал, что враг — там, наверху.
Люди. Король. Борво. А теперь ты говоришь, что враг — ещё
дальше. За морем. И мы его даже не увидим.

— Да.

— Это меняет дело. — Рун потёр переносицу. — С Борво
можно бороться. С королём — можно. Но как бороться с
теми, кого ты никогда не видел? Кто даже не знает о твоём
существовании?

Краг не ответил. Он сам не знал.

— Начинать нужно с того, что рядом, — сказал он нако-
нец. — С Борво. С перекупщиков. Если гномы перестанут
продавать камни — перекупщикам придётся менять усло-
вия. Или уходить. А заморские купцы без камней тоже не
смогут наживаться.

— Это если все гномы перестанут, — сказал Брам. Он

был самый молодой, лет четырнадцать, с вечно испуганными глазами. — А наши не согласятся. Ты видел — они боятся.

— Боятся, — подтвердил Торг. Он был постарше, лет двадцати, коренастый, с руками-кувалдами. — У меня мать больная. Если я не принесу пайку — она умрёт. Как я могу бастовать?

— Мы не будем требовать, чтобы все бросали работу, — сказал Краг. — Это глупо. Нужно другое. Нужно создать тайный канал.

— Что? — Дун нахмурился.

— Мы будем добывать камни и прятать лучшие. Не сдавать Борво. А потом, когда наберём достаточно, продадим их сами. Напрямую. Без перекупщиков.

Повисла тишина. Все переглядывались.

— Это воровство, — сказал наконец Торг. — Если поймают — повесят.

— Борво ворует у нас каждый день, — возразил Краг. — Он берёт наши камни и даёт десятую часть. Это не воровство — это возвращение своего.

— А кому мы продадим? — спросил Дун. — Кто купит камни у гномов? У нас нет выхода на рынок. Мы не знаем купцов. Мы не знаем цен.

— Я знаю одного человека, — сказал Краг. — Старик в деревне у реки. Его зовут Хенрик. Он говорил, что есть мелкие купцы, которые не любят Борво и его монополию. Они тоже страдают от перекупщиков. Может быть, они согласят-

ся работать с нами.

— Может быть, — проворчал Рун. — А может, сдадут Борво и получают награду.

— Риск есть, — признал Краг. — Но другого пути нет. Король сказал: единственный рычаг у гномов — это камни. Если мы научимся продавать их сами, перекупщики потеряют власть.

Рун долго молчал. Потом поднял голову и посмотрел на Крага.

— Твой отец был таким же. Упрямым. Он тоже хотел справедливости. И погиб.

— Я знаю.

— И ты всё равно пойдёшь на это?

— Да.

Рун вздохнул.

— Тогда я с тобой. Не потому что верю в успех. А потому что надоело жить на коленях.

Он протянул руку, и Краг пожал её. Ладонь у старика была сухая, твёрдая, как корень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.